

Каравасва Дина Николаевна

к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

**СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ)¹**

УДК 394, 94, 930.2

Работа посвящена презентации результатов исследования региональной идентичности Северной Англии в отношении стереотипизации региональных образов. Стереотипы, несмотря на свою условную природу, обладают серьезным потенциалом и могут быть важной частью самосознания. Несмотря на множественность толкований «Севера», у региона есть общие представления, позволяющие чувствовать себя отличными, в том числе посредством актуализации и использования стереотипов. Образы, символы и структуры конца XVIII — начала XIX в. являются весомой частью региональной идентичности.

Ключевые слова: Северная Англия, региональная идентичность, стереотипизация, постиндустриальный, индустриальный, Манчестер, Ливерпуль

Образ региона, стереотипы, идентичность и региональное развитие — взаимосвязанные понятия. Северная Англия, так называемая индустриальная вотчина Великобритании, разнообразнейшая в социокультурном и административном отношении территория, во многом имеющая ряд сходств в развитии с территорией Урала, представляет собой симптоматичный феномен.

В XVII и XIX вв. Север Англии превратился в экономически развитый регион, флагман индустриализма в Великобритании. В XX в. регион и его крупнейшие города — Манчестер, Ливерпуль, Лидс, Йорк и др. — стали свидетелями упадка, а также изменения своих прежних ролей. Во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг. большая часть производства была приватизирована, на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии экономика региона сильно пострадала. Исследователи констатируют глубокий социокультурный кризис и трансформацию в 1990–2010-е гг. [13, р. 5–6].

Исторически идентичность северян и образ Севера за его пределами развивались вокруг различных интерпретаций географии, поведения и ментальности. Генеалогия стереотипизации Севера нуждается в отдельном исследовании, однако очевидно, что внешние и внутренние представления о регионе — исторический феномен с давней историей. Как считает Н. Джюэл, образ Севера конструировался из центра с XII в.: Еще Уильям Малмесберийский, описывая современное ему княжество Нортумбрия, использовал уничижительные эпитеты, отмечая преобладание «дегенеративных повадок», называя северян «свирепой, мятежной расой» [6, р. 37–38, 58]. Появление литературы в жанре путешествий XVI в. (Д. Дефо, в частности) закрепило в широком общественном дискурсе образ Севера как земли примитивной и унылой, с суровым климатом и хитрыми людьми [2, р. 24].

Экономический подъем и индустриализация на Севере усилили и распространили прежние образы. Репортажи о рабочих стачках 1830-х и 1840-х гг. реанимировали старые представления о Севере как о беспокойном регионе [12, р. 7]. Эти ассоциации приобрели новое звучание с появлением нового среднего класса из коммерческих индустриальных кругов и их «мещанской» культуры. Так, в 1821 г. журнал «Blackwood's Edinburgh Magazine» акцентировал внимание на фелистинизме манчестерской элиты: «Джентльмены, чья интеллектуальная жизнь ограничивается игрой в твист, распитием портвейна и задачей проклятий в адрес власти» [13, р. 45].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-02064 «Особенности дискурса национальной/гражданской идентичности в in-between пространствах “иммигрантских” сообществ (на материалах «британских мусульман» в современной Великобритании)» (рук. Д. Н. Каравасва).

Вместе с тем, по крайней мере с конца XVII в., многие путешественники видели Север краем упорного труда и достижений в индустриальной сфере. К началу XIX в. отношение к Северу постепенно менялось во многом благодаря писателям и художникам романтизма: северные ландшафты, особенно Озерного края, становились источником вдохновения, территорией творческой регенерации. То же самое стало характерно и для поп-культуры второй половины XX в. [10, р. 35–37].

Внутренние трения региона, например, между территориями, стремившимися к лидерству, например, Йоркширом и Ланкаширом, также сформировали специфические стереотипы [8]. Одной из наиболее выразительных локальных идентичностей обладали и обладают йоркширцы. Йоркшир позиционирует своих жителей как хранителей старых «вечных» ценностей: например, фермера Ханну Хоквел, о которой было снято документальное кино и выпущена серия книг в 1970–1980-е гг. [2, р. 7–8]. При этом южанам йоркширцы представляются «свирепыми троллями», «нелепым жульем» [5, р. 220]. О ланкаширцах, в том числе в самом Ланкашире, распространено мнение как о более мягких, вежливых и добросердечных людях, не столь заикленных на финансовом благополучии, как йоркширцы [13, р. 130–136]. Ливерпуль же с его сильным кельтским наследием, интенсивной портовой жизнью представляет иной тип идентичности, основанный на кипучей деятельности, космополитизме, нонконформизме [1].

Историческое положение Манчестера как «столицы регионов» Англии провоцировало появление сложностей в отношениях с другими центрами. Манчестер — один из наиболее динамично развивавшихся и привлекавших туристов городов, знаменитый рабочим движением (образование Лиги против хлебных законов в 1839 г., Национальной организации чартистов в 1840 г. и др.), культурными достижениями (новеллы Дизраели «Сибилла», 1845; Гаскелла «Север и Юг», 1855). Манчестер к началу XX в. стал еще и культурной столицей Севера (благодаря основанию Манчестерского королевского музыкального колледжа и Манчестерского театра). С 1920-х гг. Манчестер оказался вотчиной ряда ведущих спортивных изданий [11, р. 17]. Благодаря этим структурам в Манчестере создавались лучшие условия для развития позитивной идентичности, нежели, например, в Ливерпуле, зачастую обращавшемся и до сих пор обращающемуся к общему дискурсу «славного прошлого», а не собственным региональным ценностям и символам [3, р. 5–6]. Соперничество Манчестера с другими крупными городами Севера породило внутреннюю динамику конкуренции и диалога на Севере. Дж. Белчем в этой связи напоминает, что «Манчестер всегда являлся истинно северным городом в представлениях не-северян и способствовал созданию удобного образа Севера для обитателей других регионов» [9, р. 3].

Ливерпульцы называли и называют свой город «вторым в империи» [9, р. 3–4] из-за роли крупнейшего морского порта и транзита для колоний, оспаривая, таким образом, превосходство Манчестера. Д. Рассел пишет о том, что в одной из ливерпульских газет 1964 г. говорилось и об «абсурдных и пагубных претензиях» Манчестера, способного «только на то, чтобы выдавать свое гнилое фабричное сырье за культурные ценности» [13, р. 20]. «Деиндустриализация» и ее разрушительные последствия коснулись в 1980–1990-х гг. Ливерпуля сильнее остальных. На фоне экономического упадка 1980-х гг. общественность увидела Ливерпуль «типичным примером всего того неправильного, что случилось в британских крупных городах» [9, р. 55; 7].

С Севером Англии связано большинство негативных стереотипов о сегрегации и высоком уровне миграции. Бредфорд у Лидса и Олдем в Большом Манчестере из-за массовой иммиграции 1960–1970-х гг. и последующего компактного расселения остаются в некотором смысле «иконами» мультикультурализма и его негативных последствий [4, р. 195–196].

Таким образом, стереотипы, несмотря на свою условную природу, обладали и обладают серьезным потенциалом, и могут быть важной частью самосознания. Образы, символы и структуры конца XVIII — начала XIX в. (урбанизм, основанная на индустриальном производстве экономика, культура рабочего класса, специфическое административно-территориальное деление) являются весомой частью региональной идентичности.

Литература и источники

1. Belchem J. An Accent Exceedingly Rare: Scouse and the Inflection of Class // Merseypride. Essays in Liverpool Exceptionalism. Liverpool, 2000. P. 31–67.
2. Bradford M. The Fight for Yorkshire. Beverley, 1998.
3. Briggs A. Themes in Northern History // Northern History. 1966. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–6.
4. Bryant C. The Nations of Britain. Oxford, 2010.
5. Dellheim C. Imagining England: Victorian Views of the North // Northern History. 1980. Vol. 22. P. 216–230.
6. Jewell H. The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester, 1994.
7. Leeson P. Goodbye Scottie Road. The Photography of Peter Leeson. L.: Bluecoat Press, 2008.
8. Mandler P. The Consciousness of Modernity? Liberalism and the English “National Character” // Meaning of Modernity. Oxford, 2001. P. 119–144.
9. Merseypride. Essays in Liverpool exceptionalism. Liverpool, 2006.
10. Moir E. The Discovery of Britain. The English Tourists, 1540–1840. London, 1964.
11. Musgrove F. The North of England. A History from Roman Times to the Present. Oxford, 1990.
12. Rawnsley S. Constructing “the North”: Space and a Sense of Place // Northern Identities. Historical Interpretations of “The North” and “Northernness”. Aldershot, 2000. P. 3–22.
13. Russell D. Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester, New York, 2004.

Dina N. Karavaeva

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS;
Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: dina.karavaeva@bk.ru

STEREOTYPING AND REGIONAL IDENTITY**(ON THE MATERIALS OF THE NORTHERN ENGLAND INDUSTRIAL REGIONS)**

The work is devoted to the presentation of research of the regional identity of Northern England in relation to the stereotyping of regional images. Images and structures of the late 18th till early 19th centuries are a significant part of the regional self-awareness of identity.

Keywords: Northern England, regional identity, stereotyping, post-industrial, industrial, Manchester, Liverpool